

УДК 159.954.2

Е.В. Мамонтова,

кандидат политических наук, доцент

(Одесский национальный политехнический университет)

СИМВОЛИЧЕСКИЙ РЕСУРС В СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА

У статті висвітлено проблему визначення місця і ролі символічного ресурсу в стратегії сучасного тероризму. Відзначено, що феномен символізації політичних процесів виникає в умовах формування глобальної інформаційної цивілізації. Проаналізовано причини і наслідки звернення сучасного тероризму до арсеналу політичної символіки.

День 11 сентября 2001 года обозначил важнейший рубеж: мировая история перестала быть по преимуществу евро-американской и превратилась в подлинно мировую историю, историю всех наций, рас и народов. До сих пор судьбы мира вершились исключительно внутри ареала западной цивилизации, которая, в силу явного технического превосходства, фактически навязала остальному миру свое представление об идеале цивилизованного существования. Не принимая в расчет национальные, культурные, религиозные особенности иных народов, единственно достойными для организации всего мирового сообщества объявлялась система христианских ценностей в ее протестантской интерпретации и, основанный на принципах либеральной доктрины, способ организации политической и экономической сфер жизни общества. Сутью социально-политического мироустройства являлась демократия, понимаемая как приоритет интересов личности над интересами государства, а возможность достижения всеобщего благополучия обладала только рыночная, основанная на жесткой конкуренции, экономика.

Сегодня мы стаем свидетелями грандиозного крушения этого универсума. Находясь в тени полувекового военного и политического противостояния двух сверхдержав, СССР и США, незаметно вышли на авансцену истории новые гигантские суперэтноты, отличающиеся собственными представлениями о свободе, равенстве, социальной справедливости и главных ценностях жизни, и намеревающиеся активно участвовать в решении глобальных проблем. Не случайно проблема намечающегося в наше время "конфликта цивилизаций" находится в эпицентре острейшей научной дискуссии. Однако, уже никто не сомневается в том, что сегодняшние победы и поражения зарождаются не на предприятиях военно-промышленного комплекса, а в культурном самосознании наций. И в этом смысле позиция западной цивилизации значительно уступает странам Востока и Юга. Дело в том, что в европейской культуре традиционно высока ценность человеческой жизни. События последних лет в Югославии, Афганистане, Ираке показали, насколько болезненно воспринимаются населением западных государств людские потери, когда гибель всего нескольких солдат вызывает бурю общественного негодования. И напротив, специфика Востока и Юга, в частности, проявляется в том, что жизнь человека здесь имеет совершенно другую цену. Отсюда и обращение к террору как эффективному методу решения политических и иных противоречий, когда использование камикадзе или женщин-смертниц представляется вполне естественным.

Следовательно, приоритет индивидуального над групповым, невероятно высокая ценность человеческой жизни делает Запад беззащитным перед военными стратегиями неограниченного террора. Запад не в состоянии ничего противопоставить тому, что сотни, тысячи смертников начнут просачиваться на его территорию и подорвать себя в магазинах и госучреждениях, на вокзалах, в автобусах и самолетах, в концертных залах и на стадионах. Если счет терактов вырастет на порядок, то государственная система Запада утонет в хаосе, предполагают футурологи. Еще большее потрясение может вызвать применение биологического оружия. И рассылкой в письмах и бандеролях таинственного порошка арсенал биотерроризма не исчерпывается. Представим себе, что произойдет, если всего несколько террористов, получавших инъекции острозаразного боевого вируса, потолкаются в течение часа в крупнейших транспортных узлах Европы и США: грандиозная эпидемия, охватившая весь европейский мир, станет реальностью.

К сожалению, мы вынуждены констатировать, что в начале XXI века терроризм приобретает планетарные масштабы, о чем свидетельствует расширение географии терактов и рост их числа. Трагические события в США продемонстрировали уязвимость самых милитаризованных государств мира от четко спланированных и скоординированных против них действий террористов. Однако стоит обратить пристальное внимание на тот факт, что сокрушительному удару были подвергнуты не рядовые, пусть и массовые, объекты, а символы американского военного и политического могущества. Таким образом, террористический акт 11 сентября 2001 приобрел символическое звучание.

На наш взгляд, сегодня все ярче проявляется данная тенденция символизации, характеризующаяся перенесением действий террористов в область виртуальной, символической политики. Нужно заметить, что затронутая проблема является малоизученной, что не умаляет ее актуальности. Данная статья представляет собой попытку освещения символической стороны современного терроризма.

Безусловно, феномен терроризма относится к центральным объектам изучения философии, политологии, культурологии, социологии, психологии, о чем свидетельствует огромный массив публикаций. Однако семантический аспект данного явления не достаточно разработан в научной литературе. Среди авторов, обращающихся к проблеме влияния символических структур на динамику политических процессов, назовем Э. Кассирера, В. Тернера, П. Бергера, Т. Лукмана, М. Ильина и др. Освещению роли символов и символических ресурсов в становлении политических институтов, определению места символических структур в политическом пространстве посвящены работы Н. Лумана, Д. Мисюрова, В. Попова, Г. Почепцова, С. Поцелуева, А. Соловьева и др.

На наш взгляд, обращение терроризма к символическому ресурсу обуславливает ряд моментов. С одной стороны, для достижения требуемого эффекта агрессия совершающего террористического акт должна быть направлена, прежде всего, на знаковые для адресной группы объекты или личности. С другой стороны, теракт, не попавший в виртуальную символическую реальность, продуцируемую современными СМК, теряет смысл, ибо не достигнет цели – запрограммированного изменения массового сознания.

Следует отметить, что, приступая к изучению символической грани современного терроризма, мы столкнулись с вполне естественными затруднениями научного анализа, вызванными отсутствием общего мнения по поводу дефиниций понятия "терроризм". Известно, что проблема формулировки данного понятия не решена до сих пор. Не только в СМИ, но и в юридической, политологической, социологической, медицинской литературе под проявлениями терроризма понимаются столь разные явления, как военные операции и агрессивные действия психически больных людей, хулиганские поступки и вооруженные конфликты локального масштаба, расширенные суициды и захват заложников. В целом нужно отметить, что ни одно из множества существующих научных определений терроризма не отражает целостности данного явления. Так, политологи рассматривают терроризм как политическое явление ("терроризм – политика устрашения, подавления политических противников насильственными мерами"). Однако далеко не всегда теракт мотивирован политически. История знает немало примеров, когда подоплекой вооруженных конфликтов становились экономические и личностные факторы. Сегодня широкое распространение получило определение терроризма, указывающее на его религиозный характер. Поэтому целесообразным было бы обратиться к этимологии. Сущность понятия "терроризм" следует искать в самом слове "террор", которое происходит от латинского "terror" ("ужас", "страх", "устрашение"). Итак, если террор – это целенаправленное устрашение, то тогда логично, что терроризм – это целенаправленная деятельность, связанная с осуществлением спланированных акций устрашения.

Однако следует учитывать, что, в отличие от широкомасштабных военных действий, которые также сопровождаются насилием, терроризм обладает специфическими, присущими ему чертами. Во-первых, насилие, совершаемое террористом, имеет одностороннюю направленность, не предполагает ответных мер со стороны объекта [1: 69]. Во-вторых, устранение объекта теракта далеко не всегда совпадает с его целью. Иными словами, жертва теракта является лишь способом достижения цели, а не самой целью. Конечным результатом теракта становится оказание влияния на определенный процесс или субъект политических, социальных, межличностных и др. отношений.

Обращаясь к теме политического террора, следует также помнить, что субъектом террора может быть не только отдельный индивид или группа, применяющие насилие в случае, когда оно не имеет альтернативы, когда власть не предполагает разрешения этнических, религиозных, экономических, социальных, политических и других конфликтов иным способом, кроме насилия. К субъектам терроризма относится также и сама власть, использовавшая во все времена страх, одно из самых глубинных чувств, присущих человеку, как средство завоевания и удержания господства. Таким образом, одна из черт, определяющих специфику политического терроризма, проявляется в том, что действия террористических группировок следует рассматривать как контрмеры в ответ на террор государственный.

Учитывая то, что главной целью террора является не убийство конкретных людей, а устрашение, деморализация живых, нагнетание невротического страха, изменение массовых настроений, следует подчеркнуть, что главной задачей террористов становится не просто осуществление теракта, а обеспечение его информационного сопровождения. Именно СМИ, в силу своей специфики, являются оптимальными распространителями информации, чем по неволе становятся активными пособниками террористов, обеспечивая их, по словам С. Удовика, "кислородом популярности" [2: 328]. Формирующаяся глобальная информационная цивилизация создала условия для масштабного и эффективного психологического и информационного воздействия на массовое сознание. Глобальные информационные сети транслируют по всему миру репортажи с места событий, чем дополнительно способствуют достижению целей экстремистских группировок. Иными словами, СМИ становятся добровольными сообщниками терроризма.

Более того, в последние десятилетия, в связи с бурным развитием ИКТ, исследователями зафиксирован новый вектор трансформации общества – виртуализацию общественно-политических процессов (Подробно об этом см.: Д. Иванов Виртуализация общества. – СПб, 2000). Наступает эпоха политики образов и образов политики. Новая политика строится на компенсации дефицита реальных ресурсов и поступков изобилием виртуальных. Прямое коммуникативное обращение к власти заменяется обращением к символам, накладывающим на обе стороны нормальный перепад между властными уровнями [3: 21].

Все вышесказанное в полной мере касается и терроризма, который сегодня обретает знаковые характеристики, превращаясь тем самым в форму, создающую и воспроизводящую новые смыслы.

В символическом пространстве находят формализованное отражение сложившиеся стереотипы политического сознания и поведения данной социальной общности, либо формы, через которые внедряются определенные образцы в сознание и поведение отдельных групп и индивидуумов. Через символы проявляется социальная сущность того или иного феномена действительности. Обладая двойственной природой, сочетая в себе как идеальное, так и материальное, символ играет роль фактора, который служит идентификации данного социума, выделяя его среди других культур.

Данное свойство символов сегодня, когда человечество столкнулось с проблемой глобального ценностного кризиса, становится востребованным, как никогда. Учитывая то, что ценностный кризис относится к ключевым причинам становления и развития современной террористической глобальной сети, значение функции символов "собирать под свои знамена как можно больше людей" трудно переоценить. Одной из доминирующих осо-

бенностей современного мировосприятия, как в элитарных, так и в повседневных формах, является не просто разочарование в отдельных ценностях и идеалах, а разочарование в существующих проектах обустройства человечества на основах Добра и Справедливости [4: 141]. И как следствие – распространение нигилистических настроений, скептического отношения к возможностям человека и их реализации в истории. На этом фоне все большую популярность обретают альтернативные смысловые перспективы, усиленные возрождением традиционных конфессий и экстремистских идеологий [5: 64], которые создают собственное семантическое поле, способствующее консолидации в первичных примордиальных сообществах (этнических и конфессиональных).

По причине того, что политика не терпит вакуума в символическом выражении, ибо необходимый объем политической знаковой системы, соответствующий структурам идеологии и материальной культуры в каждом конкретном сообществе требует безусловного заполнения, политический конфликт любого масштаба несет в себе символическое содержание. Так, ядерное противостояние, забравшее множество сил и средств у человечества, носило в основном символический характер. Тоже можно сказать о противостоянии "капитализм - коммунизм", "Восток - Запад", "Север - Юг". (Подробно об этом см.: Мисюров Д. Политика и символы. – М., 1999). Место одних символических форм сразу занимают другие.

Так, например, сегодня активизировались религиозные течения, суть которых четко отражена в их собственной знаковой структуре. В этом смысле показательным является исламский фундаментализм, который в общественном сознании ассоциируется с угрозой массовой террористической войны. Символическое противостояние "Восток - Запад", в трактовке исламского радикализма – это не противостояние религий, ибо исламизм не является чисто религиозным феноменом, борьбой ислама против христианства. Эксплуатация символической антитезы "Север - Юг", которая закладывает в массовое сознание исламского Востока основы комплекса неполноценности, связанного с экономическим разрывом между "бедным Югом" и "богатым Севером", способствует не разжиганию ненависти к Западу, как к врагу ислама, а, прежде всего, усилению антиамериканских настроений.

Как видим, данные знаковые структуры носят не религиозный, а культурно-цивилизационный характер, что находит четкое выражение в возрастании роли символической составляющей политического пространства исламской цивилизации. С. Хантингтон замечает, что подъем ислама наблюдается почти во всех мусульманских обществах с 1970-х гг. В мусульманском мире неуклонно растет поддержка исламских символов, постулатов, институтов и организаций [6]. Исламизация, начавшаяся с символической сферы, затем "перекинулась" на политику. Дабы подчеркнуть "исламский характер" своих государств, правительства арабских стран внедряли исламскую символику через систему образования, СМИ, общественные организации. При этом на символы западной цивилизации обрушивался гнев, вызванный культурной и геополитической гегемонией "Большого Сатаны". Мусульмане клеймят Запад не за то, что он следует неверной религии, а за то, что он не имеет религии вообще. В глазах мусульман западный секуляризм, атеизм и проистекающая из этого аморальность – это гораздо большее зло, чем породившее их христианство [6]. Вот почему объектами исламского терроризма никогда не выступают культовые сооружения. Ими становятся символы прежде всего американского политического и экономического могущества (попытка взрыва Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, 1993 г.; захват американских посольств в Кении и Танзании, 1998 г. и др.).

Следует отметить, что обращение исламского экстремизма к символической сфере в политической борьбе – яркий, но далеко не единственный пример. Так, теоретик политического радикализма Хуан Карлос Маригелла одним из действенных средств борьбы с преступными режимами Латинской Америки считал нападения на учреждения и персоны, символизирующие власть. Символическую окраску приобрел поджог двух крупнейших супермаркетов в Западном Берлине, совершенный в апреле 1968 г. западногерманской экстремистской организацией "Фракция Красной Армии". Таким образом террористы пытались выразить протест против диктата общества потребления и всеобщего равнодушия масс в войне во Вьетнаме. Итак, мы видим, что символические ресурсы активно используются террористами самого различного толка для достижения поставленных целей.

Все вышеизложенное дает основание для некоторых выводов.

На данном этапе развития общества символизация как способ ориентации человека в политическом пространстве превращается в важнейшее средство политической идентификации. Более того, символизация действительности не только играет ведущую роль в вовлечении индивида в политику, но и качественно перестраивает схему формирования самого пространства властных отношений. Исходя из того, что в формирующейся системе зависимостей и принципов взаимодействия власти, личности и общества производство общественного мнения становится прерогативой профессионалов в области управления информационными процессами, принципиально меняется стратегия терроризма. К логической схеме терроризма, включающей субъект, насилие как способ влияния, объект и цель, добавляется медийная и символическая компоненты. Во-первых, цель теракта будет достигнута только после того, как он найдет свое отражение в информационном пространстве, вследствие чего субъект получает возможность напрямую обращаться к сознанию огромных масс населения. Во-вторых, в условиях, когда возрастает роль символической составляющей политики, символы используются для уточнения, придания террористическим действиям формы апелляции, служат средством легитимации насилия. Наряду с этим, обращение современного терроризма к сфере символов неизбежно способствует тому, что террористический акт сам обретает черты символа, о чем красноречиво свидетельствуют события 11 сентября 2001 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ясько А. Тероризм як форма політичної боротьби // Політика і час. – 2002. – №1.

2. Удовик С.Л. Глобализация: семиотические подходы. – К., 2002.
3. Луман Н. Власть. – М., 2001.
4. Шевченко О. Сучасний тероризм у контексті глобальної ціннісної кризи // Стратегічна панорама. – 2002. – № 3.
5. Марченко Ю. На тлі ціннісної кризи // Політика і час. – 2003. – №2.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Философская и социологическая мысль. – 1996. – №№ 1-2.
7. Материалы прессы.

Матеріал надійшов до редакції 4.09.2004 р.

Мамонтова Э. В. Символический ресурс в стратегии современного терроризма

В статье освещается проблема определения места и роли символического ресурса в стратегии современного терроризма. Отмечается, что феномен символизации политических процессов возникает в условиях формирования глобальной информационной цивилизации. Анализируются причины и следствия обращения современного терроризма к арсеналу политической символики.

Mamontova E. V. Symbolic resource in the strategy of modern terrorism.

The article deals with the problem of definition of the place and role of symbolic resource in the strategy of modern terrorism. It's marked that the phenomenon of symbolization of political processes arise in the conditions of global informational civilization's forming. The causes and effects of the use of political symbols in the activity of terror groups are analyzed.